

ТЕОЛОГИЯ. РЕЛИГИЯ



УДК 2.26.261.6

СВЯТЫЕ РЮРИКОВИЧИ В РОДОСЛОВНОЙ ВОЛКОНСКИХ-ТОЛСТЫХ

Е.В.Белоусова

RYURIKOVICH SAINTS IN GENEALOGY OF VOLKONSKIYS-TOLSTOYS

E.V.Belousova

Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», helenyaspol@yandex.ru

На протяжении столетий русский народ — от крестьянина до дворянина — сохранял веру в свою особую миссию: служение Богу и Отечеству. Однако после революции 1917 г. началось целенаправленное разрушение духовных устоев Святой Руси, что и было отражено в тексте гимна Советского Союза. В 2000 г. в новом гимне России вечные ценности национального самосознания зазвучали вновь.

Ключевые слова: Русь Святая, народ, аристократия, Рюрик, святость, родословное древо, Михаил Черниговский, мученичество, благоверные князья, «Жития святых»

During the centuries the people of Russia including nobility and peasantry strongly believed in their specific mission to serve the God and their Motherland. A purposeful destruction of the spiritual foundations of Holy Russia started after the revolution 1917 which was proved by the lyrics of the former Soviet Union Anthem. The eternal values of national self-consciousness and spirituality acquired new sounding in the new National Anthem of Russian Federation in 2000.

Keywords: Holy Russia, people, nobility, Rurik, holiness, family tree, saint Michail Chernigovsky, martyrdom, saint Kings, Hagiography

Россия ныне празднует 70-летие Великой Победы — второй русской Пасхи. Случайным ли совпадением или осознанным актом было то, что в переломный момент войны, в 1944 г. Советский Союз перестал считать своим гимном текст «Интернационала», каждое слово которого звучало призывом к разрушению духовных устоев Святой Руси? Его автор, французский анархист Эжен Потье и переводчик Арон Коц, обращаясь к «миру голодных и рабов», «заклеймённых проклятьем», в их воображении вдруг возникших откуда-то после революции 1917 г., призывали разрушить «мир насилия». Какой «мир» вызывал такую бесовскую ненависть нехристиан? — Это был «мир» не «насилия», а духовной основы незыблемости Отечества, созидавшийся с момента рождения Руси в Крещенской купели Православия. С 2000 г. композиционным стержнем нового гимна стало понятие «Русь Святая». Его строфы «Россия — священная наша держава», «Хранимая Богом родная земля», «Предками данная мудрость народная» вернули из долгого забвения в память и душу народа образ России как Богоизбранной державы. Давно назрела необходимость говорить о тех, кто пронёс через века Откровение о русском народе-богоносце, задача которого состояла в том, «чтобы служить хранителем истин веры, давая возможность любому желающему припасть к этому источнику живой воды, приснотекущему в жизнь вечную и блаженную» [1].

Движущей силой истории является народ — к такому выводу, многократно подтверждённому исто-

рическими событиями с первых времён зарождения Руси, давно пришли историки и философы из среды русской аристократии, всегда считавшей себя неотъемлемой, но отнюдь не главной, частью народа. Аспект духовного единства всех сословий не только замалчивался в прошлом веке, но насаждалась «классовая» ненависть к тем, кто не мог гордиться своим пролетарским происхождением. Многочисленные Голгофы 1920—1950-х гг. — от Соловков до Казахстана — обогреты кровью многострадального русского народа, в том числе и дворян. «Лишь по прошествии многих десятилетий стало очевидным, что искоренение дворянства явилось одной из причин деградации российского общества» [2]. Актом покаяния современной России перед уничтоженным цветом её аристократии является всё возрастающий интерес к генеалогическим исследованиям, к духовно-нравственному, философскому, историческому наследию дворянской культуры. В XXI в., на новом этапе исторической жизни России эта заинтересованность начинает приобретать серьёзный научный характер.

Одним из представителей древнейшей русской аристократии является Л.Н.Толстой. На фоне чрезвычайно высокого интереса литературоведов и достаточной степени изученности различных аспектов литературного, публицистического, религиозно-философского творчества Л.Н.Толстого до сих пор незамеченной остаётся одна проблема, о которой пи-

сатель размышлял на протяжении всей своей жизни — влияние на его жизнь, умственные и духовные способности наследия его предков, начиная от Рюрика. Этому вопросу слегка касались биографы писателя в XX в., однако узкие идеологические рамки единственной и непререкаемой в то время методологии социалистического реализма не позволяли им во всей полноте осознать огромное влияние на Толстого истории его рода. Присущее всему творческому пути писателя ощущение генетической связи со своим родом, ставшее основой его эстетических взглядов, на страницах черновых вариантов «Войны и мира» было высказано таким образом: «Я не мещанин, как смело говорил Пушкин, и смело говорю, что я аристократ, и по рождению, и по привычкам, и по положению. Я аристократ потому, что вспоминать предков — отцов, дедов, прадедов моих, мне не только не совестно, но особенно радостно. Я аристократ потому, что воспитан с детства в любви и уважении к высшим сословиям и в любви к изящному <...>. Я аристократ потому, что был так счастлив, что ни я, ни отец, ни дед мой не знали нужды и борьбы между совестью и нуждой <...>. Я вижу, что это большое счастье и благодарю за него Бога» [3]. А.С.Пушкин, четвероюродный дядя Л.Н.Толстого испытывал такое же чувство радости за своих предков и за себя, потому что им не приходилось

<...> для власти, для либреи

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи! [4].

Наследственные династические свойства проявлялись в писателе, его братьях и сестре по-разному. Николай, старший, и Лев, младший из братьев, унаследовали от предков дар незаурядного художественного таланта, воинскую доблесть и бесстрашие, обострённое чувство справедливости и аристократическую утончённость. Н.Н.Толстой, автор единственного произведения, изданного при его жизни, — «Охота на Кавказе», при всей своей скромности и полном отсутствии чувства тщеславия, чем он восхищал своих друзей И.С.Тургенева и А.А.Фета, никогда не забывал подписывать свои письма присоединением к имени своего титула — «Граф» [5]. Сохранились документы периода его поступления в Московский Университет. Его собственноручное Прошение о принятии в число студентов начинается фразой: «Родом я из дворян» [5]. Нет сомнения, что если бы он прожил на земле не 37 лет, а больше, его литературное творчество отразило бы тот богатый потенциал родового дворянства, которым так многогранно наполнены произведения его младшего брата. Особенно ярко это выражено в аристократическом семейном романе-эпосе «Война и мир», где жизнь его родственников неотделима от исторического контекста.

Чтобы представить себе, что имели в виду братья Толстые, говоря о своей принадлежности к аристократии, уместно привести слова их потомка В.И.Толстого, праправнука писателя: «Родовая память Толстых хранит неисчислимые свидетельства целых эпох и отдельных исторических событий, покрывает гигантские географические просторы, вмещает непостижимое количество лиц, имён, встреч и общений. Одно перечисление ближайших породнё-

ных фамилий, то есть тех, на ком женились и за кого выходили замуж Толстые, не может не вызывать душевного трепета у любого знатока или просто любителя русской истории: Апраксины и Нарышкины, Кочубеи и Скоропадские, Милославские и Шаховские, Шереметевы и Васильчиковы, Львовы и Горчаковы, Хилковы и Ртищевы, Щербатовы и Щетинины, Гагарины и Волконские, Трубецкие и Куракины, Строгановы, Долгоруковы, Вырубовы, Голицыны, Барятинские, Вяземские, Сумароковы, Одоевские, Боратынские, Чаадаевы, Фонвизины, Мусины-Пушкины, Тютчевы, Тургеневы, Киреевские, Римские-Корсаковы, Дельвиги, Голенищевы-Кутузовы, Майковы, Языковы... Этот перечень знакомых со школьных лет имён можно было бы продолжать ещё долго. А ведь это всё обширный круг ближайшего, семейного, родственного общения» [6].

Без сомнения, «свидетельства целых эпох и отдельных исторических событий» в истории рода Толстых и многочисленных дворянских династий являют собой проявление Промысла Божьего о России. *Вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге <...>, иное упало на места каменистые, <...> иное упало на добрую землю и принесло плод* (Мф. 13; 3-8). Доброй землёй для Рюрика стала Русь, его Новгородское княжество; всходами Божественного Сеятеля — святая отрасль Рюрикова древа, укоренившаяся в русской земле и напитавшая своими благодатными соками цвет отечественного дворянства.

В Ясной Поляне от времён деда Л.Н.Толстого князя Н.С.Волконского «долго ещё сохранялось генеалогическое древо князей Волконских, написанное на полотне масляными красками. Родоначальник князей Волконских — святой Михаил, князь Черниговский держит в руках дерево, разветвления которого содержат перечень его потомства» [7].

Князя Волконские, к которым принадлежала Мария Николаевна, мать Николая, Сергея, Дмитрия, Льва и Марии Толстых, «ведут свой род от потомка Рюрика Михаила, князя Черниговского, признанного святым Православной Церковью», — писал Сергей Львович, старший сын Л.Н.Толстого [8]. Помимо святого князя Михаила Черниговского в семье Толстых почитали ещё и «князя Ивана Юрьевича, погибшего в 1380 г. в Куликской битве» [9], которому впервые была дана фамилия «Волконский». Генеалог и историк своей династии Е.Г.Волконская в труде «Род князей Волконских» происхождение его фамилии объяснила так: «Своё название он получил от р. Волконы, правого притока р. Упы, впадающей в Оку. Волкона течёт в Лихвинском уезде Калужской и Одоевском уезде Тульской губ.» [10]. Светлейшая княжна Е.Г.Волконская (1838—1897), — четвероюродная сестра Л.Н. Толстого, первая в России женщина-богослов и историк Церкви. В своей книге она назвала святыми четверых из рода Рюриковичей: княгиню Ольгу (†945), князя Владимира, Крестителя Руси (†1015), мученика Михаила Черниговского (†1246) и его дочь преподобную Евфросинию Суздальскую (†1250). Её генеалогическая схема от Рюрика до 1900 г. составила тридцать колен, но далеко не все святые представители этого рода ею названы.

Необходимо упомянуть и родословную роспись «Потомство Рюрика» [11] одного из учредителей Русского Генеалогического общества Г.А.Власьева. Его древо князей Черниговских пресекается на царе Фёдоре Иоанновиче, сыне Иоанна Грозного. Г.А.Власьев упомянул девять имён святых: это равноапостольные Владимир и Ольга, Константин Муромский (†1129), страстотерпец Игорь Киевский (†1147), Андрей Боголюбский (†1174), Михаил Черниговский (†1246), Александр Невский (†1263), Михаил Тверской (†1318), Феодор Ярославский (†1299). В его перечне святых также есть пропуски. На соборе 1547 г. к лику святых вместе с князем Черниговским и Муромским Константином были причислены его сыновья Михаил и Феодор, которые у Власьева не записаны. То же самое касается и князя Феодора Ярославского: нет его сыновей Давида и Константина, канонизированных вместе с отцом, и в Церковном месяцеслове именуемых Ярославскими чудотворцами. В Казани есть храм, освящённый в честь их памяти.

Биограф писателя Н.Н.Гусев отмечал, что кроме почитания князей Михаила Черниговского и Ивана Юрьевича Волконского, в семье писателя из поколения в поколение передавались семейные предания о многих других предках. Не имея возможности подробно писать о них в 1954 г., он обозначил их сонм выражением «и других». Это слово, воспринимаемое на первый взгляд распространённым окончанием предложения, за гранью которого ещё много невысказанного, представляется в данном контексте маленьким бутончиком, при раскрытии которого на свет Божий является благоуханный цветок, радующий душу и глаз. Н.Н.Гусев имел в виду это, «спрятав» до времени в маленьком слове-«бутоне» всю историю Русской Церкви, покоящейся, как на столпах, на своих святых. «Многие представители рода Волконских-Толстых стали гражданами Царства Небесного, присоединив к блистающей короне Святой Руси и свои драгоценности — предстательство пред Господом и за своих прямых потомков, и за тех, кто молитвенно обращается к их помощи» [12].

В литературе о Толстом известен лишь один случай упоминания о святых Рюриковичах: журналист М.О.Меньшиков, сначала почитатель, а потом критик его религиозно-философского учения в 1907 г. писал: «До святой Ольги династия Рюрика не была родной нам, а наоборот, совершенно чуждой, если даже и верить в добровольное со стороны Новгорода призвание варяжских князей. <...> По косвенному родству с Рюриковичами <...> большинство наших великих людей, до Льва Толстого включительно, несут в своих жилах кровь святой Ольги. <...> Святая же Ольга положила начало <...> духовного орошения, как первая святая нашей Церкви и прама́тер около шестидесяти святых» [13]. Равноапостольная Ольга была женой Игоря, сына Рюрика.

Если изучить родословную от Рюрика до Толстого, его братьев и сестры, охватывающую 750 лет и составляющую 27 поколений, то, действительно, мы ощутим «душевный трепет», поскольку эта родословная явит нам и всю историю России, и её аксио-

логию, т.е. различные проявления святости Рюриковичей.

По словам митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва), «не покладая рук трудились над созданием российской державы русские князья. Свидетели тому – многие десятки святых Рюриковичей, прославленных Церковью строителей и защитников русской православной государственности. Терпеливо и любовно складывали они основание будущего русского православного царства, преодолевая междоусобия, примиряя враждующих, отвергая честолюбивых» [1, с. 95]. Своей жизнью они явили разные виды подвижничества. Особое почитание Михаила Черниговского объясняется тем, что он добровольно принёс себя в жертву, засвидетельствовав кончиной верность Богу и надежду на воскресение в Царстве Небесном. Этот вид святости – мученичество был наиболее почитаемый и многочисленный с первых веков христианства.

Особенно много среди предков Толстых святых, именуемых благоверными: так называли тех, кто все силы своей души полагали служению Отечеству и Церкви, являя примеры веры и благочестия. Это Киевский князь Ярослав Мудрый, сын равноапостольного Владимира, его почитание как святого началось сразу после кончины в 1054 г. Такой же посмертной славы сподобился и его сын Владимир Ярославич, князь Новгородский (†1052). У престола Царя Небесного предстоит и супруга Ярослава преподобная Анна Новгородская (†XI).

Великий князь Киевский Владимир Мономах, государственный деятель, военачальник, писатель и мыслитель, вдохновитель создания «Повести временных лет» прославлен как местночтимый святой в Соброре Киевских князей.

Основатель Москвы князь Юрий Долгорукий (†1157), не прославленный в лике святых, также принадлежит к династии Рюриковичей. Имя его сына, благоверного князя Андрея Боголюбского (†1174) неразрывно связано с историей древней Византийской иконы Пресвятой Богородицы, сказавшей ему Свою волю навеки оставить Её во Владимире. Его мощи покоятся у иконостаса освящённого в его честь Андреевского придела Успенского собора, который был построен для того, чтобы поместить туда чудотворную икону Царицы Небесной, названной с того времени Владимирской. В нескольких шагах от его гробницы, в иконостасе – древний список с этого образа, также чудотворный. У правого придела – рака с мощами его младшего сына Глеба Владимирского (†1175), считающегося покровителем города Владимира. Под сенью фресок преподобного Андрея Рублёва, в центре собора на возвышении стоит рака с мощами племянника Андрея Боголюбского, Владимирского князя Георгия (†1238), убитого в бою против войск Батыея вместе со своим племянником князем Василько Ростовским. Их почитают как мучеников и чудотворцев.

Как уже было сказано, особым почитанием в семьях Толстых и Волконских пользовался князь-мученик Михаил Черниговский. Он был младшим братом Георгия Владимирского и, подобно брату,

совершил свой подвиг во время нашествия на Русь полчищ Батыя. Стремясь сохранить свою Отчизну, князь ездил в Орду и исполнял языческие обычаи поклонения умершим ханам, огню, и солнцу. С точки зрения язычников-ханов это не было отречением от Христа; во всяком случае, они не требовали от своих пленников словесных заявлений об этом. «По христианским понятиям это есть уже измена святой вере, и в случаях, когда не оставалось возможности уклониться от этого суеверия, некоторые русские князья решались скорее претерпеть мученическую смерть, чем покориться. Таков был, например, святой благоверный князь Черниговский Михаил со своим боярином Феодором, убитые татарами в 1246 году» [1, с. 76]. Последними словами князя 20 сентября 1246 г. были: «Я христианин» [14]. «Св. Мощи благоверного князя Михаила и боярина его Феодора были перенесены из Орды богобоязненными христианами сначала во Владимир, а затем в родной город князя Михаила – Чернигов. Затем, в 1578 г. 14 февраля, по воле царя Иоанна Васильевича Грозного, св. мощи были перенесены в Москву» [15]. До наших дней святые мощи князя Михаила почитают в Архангельском соборе Кремля. Многие Рюриковичи нашли своё последнее земное пристанище в этом соборе: сорок девять их гробниц расположены вдоль всех стен собора; ещё более 20 представительниц династии покоятся в подклети собора [15, с. 402-405].

20 сентября 1860 г., в день церковной памяти мученика Михаила Черниговского и ещё одного Рюриковича — св. благоверного князя Олега Брянского отошёл ко Господу их потомок-воин Н.Н.Толстой, старший брат Л.Н. Толстого.

«Идеал женской духовной красоты с его глубоким благочестием явили в роду Волконских-Толстых княгини-инокини: преподобные Анна Новгородская, Анна Кашинская, Евфросиния Суздальская и Евфросиния Московская <...> Ангелами-хранителями Руси были великие князья Александр Невский и Димитрий Донской. Их трудами утвердился взгляд на княжение как на религиозную обязанность исполнения Евангельской заповеди: *Положить жизнь за други своя* (См.: Ин. 15; 13)» [16]. Небесной славы сподобились и потомки Александра Невского: младший сын Даниил Московский и внук Иоанн Калита. Племянник Александра Невского князь Михаил Тверской в 1318 г. повторил подвиг своего Черниговского тезки-родственника: он был замучен в Орде за отказ отречься от Христа. Своим родоначальником его считали Пушкины.

Подвиги двух святых Рюриковичей ознаменовали смутное и грозное XVI-е столетие: его начало отмечено борьбой преподобного Нила Сорского (из рода Майковых) с ересью жидовствующих, от ритуального ножа которых пал царевич Димитрий, мученик Угличский (†1591). «Злодеяние в Угличе пресекло на Русском престоле род Рюриковичей, завершив тем самым семивековой период истории, в ходе которого Россия просветилась Евангельским светом, в скорбях и лишениях выстрадала понимание своей промыслительной роли, осознанно и свободно приняла эту роль как всенародное церковное послушание» [1, с. 180].

«Толстой ещё в раннем детстве общался с живыми примерами праведничества, причём укоренённого именно в православной традиции. И влияние подобных примеров <...> оказалось весьма заметным впоследствии в жизни Толстого» [17]. Он не стал агиографом своих святых предков, однако проявлял большой интерес к Житиям святых. Литература по истории Церкви, «Прологи», «Четьи-Минеи», «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского с огромным количеством его помет и надписей на полях и ныне сохраняются в личной библиотеке писателя в Ясной Поляне. «Религиозная литература в яснополянской библиотеке – это широкая и благодатная тема для исследования. Несмотря на неприятие многих аспектов жизни Церкви, Толстой высоко ценил литературу, создававшуюся в её среде. Как художник он видел в ней высочайший образец поэзии. Обуреваемый противоречиями, поисками выхода из духовного кризиса, искал в ней примеры для подражания. Работая над рассказами о нравственных подвигах и мужестве первых христиан, подчёркивал в них свою любимую идею о самоусовершенствовании и любви к ближнему» [16, с. 319-320].

Ф.М.Достоевский назвал писателя «историографом русского дворянства» [18]. Эту же черту своего прапрадеда отмечает и В.И.Толстой: «Пожалуй, ни на кого в такой степени, как на Толстого, не оказывали столь сильного влияния предки и сама история рода... И он всю свою творческую жизнь словно воскрешал их образы в литературных произведениях, пытаясь восполнить то, столь необходимое ему живое непосредственное общение с ними, которого он был лишён» [19]. Наиболее яркий пример художественного «воскрешения» своих предков – это роман «Война и мир».

Спасение Отечества в его тяжёлые времена стало наследственным призванием Волконских, Толстых, Горчаковых и многих других представителей дворянской элиты. Во всех войнах, которые вела Россия, принимали участие потомки Рюрика, и нет сомнения в том, что своими ратными подвигами они сподобились Небесных венцов. Их преемниками стали братья Николай и Лев, участники Кавказской войны, а стремление спасти Отечество во время Крымской войны привело Льва в Севастополь.

Духовное влияние на Л.Н.Толстого его рода проявлялось в том, что «до конца своих дней писателя неудержимо влекла к себе правда Христа, и проповедь этой правды не однажды возникает в его произведениях» [17, с. 18].

Проповедь «правды Христа» стала делом жизни двух христианок с именем Мария – матери писателя и его младшей сестры. С девичества М.Н.Волконская мечтала уподобиться странникам и окончить свои дни в обители [3, т. 10, с. 235-236]. Мечта матери о монашестве осуществилась в жизни её дочери М.Н.Толстой, в 1887 г. оставившей мир по благословению преподобного Амвросия Оптинского. Схимонахиня Мария отошла ко Господу в Шамординском Казанском женском монастыре 6 апреля 1912 г.

Стремление опрощения и уподобления простому крестьянину, завладевшее Л.Н.Толстым в по-

следнее тридцатилетие жизни, не противоречило его аристократизму. Высота духа народа, помогавшего преодолевать все невзгоды, всегда восхищала Толстого-художника и притягивала к себе в период поиска смысла жизни. Желание понять жизнь простых людей помогло писателю создать их незабываемые образы в «Войне и мире». Тем не менее, с ранних лет и до конца жизни он ощущал свою связь с поколениями Рюриковичей и с достоинством нёс это почётное и ответственное бремя. Во многом очень противоречивый, в этом убеждении он был неизменен. 30 сентября 1906 г. в дневнике он оставил свои размышления об этом: «Что такое порода? Черты предков, повторяющиеся в потомках. Так что всякое живое существо носит в себе все черты (или возможность их) всех предков <...> и передаёт свои черты, которые будут бесконечно видоизменяться, всем последующим поколениям. <...> Так, я, Лев Толстой, есть временное проявление Толстых, Волконских, Трубецких, Горчаковых и т.д.» [1, т. 55, с. 248-249].

1. Иоанн митрополит Санкт-Петербургский и Ладозский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 256.
2. Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие отечество. Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, 2003. С. 9.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 томах. М., 1928-1958. Т. 13. С. 239.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1959-1962. Т. 2. С. 455.
5. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 107. Д. 160. Л. 1.
6. История рода Толстых — история России. Каталог выставки. Тула, 2008. С. 7.
7. Бирюков П.И. Биография Л.Н.Толстого. М.-Пг., 1923. Т. 1. С. 7.
8. Толстой С.Л. Мать и дед Л.Н.Толстого. М., [1928]. С. 7.
9. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 27.
10. Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 7.
11. Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Т. 1. Князя Черниговские. СПб., 1906.
12. Белоусова Е.В. Небесный венец князей // Ясная Поляна. Вестник. Тула, 2007. № 4. С. 15.
13. Великая, мудрейшая, святая. Мать народа русского // М.О.Меньшиков. Вечное воскресение. Сборник статей о Церкви и вере. М., 2003. С. 19, 31.
14. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 1. М., 1903. С. 393.
15. Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., 2004. С. 394.
16. Белоусова Е.В. «Жития святых» в прочтении Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник-2000. Тула, 2000. С. 15.
17. Тарасов А.Б. Какую правду проповедовал Толстой? // Литература в школе. 2003. № 3. С. 12.

18. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 17. С. 142-143.
19. Волконская (Толстая) М.Н. Русская Памела, или Нет правила без исключения. Повесть в 2-х частях (без окончания). Ясная Поляна-Тула, 2009. С. 7.

References

1. Ioann mitropolit Sankt-Peterburgskiy i Ladozhskiy. Samoderzhavie dukha. Ocherki russkogo samosoznaniya [Autocracy of spirit. The essays on Russian self-consciousness]. Saint Petersburg, 1995, p. 256.
2. Fedorchenko V.I. Dvoryanskie rody, proslavivshie otechestvo. Entsiklopediya dvoryan-skikh rodov [The noble clans which glorified the Motherland. Nobles' Encyclopedia]. Krasnoyarsk, 2003, p. 9.
3. Tolstoy L.N. Compl. coll. of works in 90 vols. Moscow, 1928-1958, vol. 13, p. 239.
4. Pushkin A.S. Coll. of works in 10 vols. Moscow, 1959-1962, vol. 2, p. 455.
5. CSA of Moscow. Archive fund 418. Inventory 107. Dossier 160. Sheet 1.
6. Istoriya roda Tolstoykh — istoriya Rossii. Katalog vystavki [The history of Tolstoy's generation is the history of Russia. Catalogue of the exhibition]. Tula, 2008, p. 7.
7. Biryukov P.I. Biografiya L.N.Tolstogo [Tolstoy's biography]. Moscow-Petrograd, 1923. Vol. 1, p. 7.
8. Tolstoy S.L. Mat' i ded L.N.Tolstogo [Tolstoy's mother and grandfather]. Moscow, [1928], p. 7.
9. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1828 po 1855 god [Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography since 1828 to 1855]. Moscow, 1954, p. 27.
10. Volkonskaya E.G. Rod knyazey Volkonskikh [Princes Volkonskys' genealogy]. Saint Petersburg, 1900, p. 7.
11. Vlas'ev G.A. Potomstvo Ryurika. Vol. 1. Knyaz'ya Chernigovskie [Ruric's descendants. Vol.1. The Princes of Tchernigov]. Saint Petersburg, 1906.
12. Belousova E.V. Nebesny venets knyazey [The Princesses' Heavenly crown]. Yasnaya Polyana. Vestnik. Tula, 2007, no. 4, p. 15.
13. Velikaya, mudreyshaya, svyataya. Mater' naroda russkogo [The great, the wisest, the holy. The Mother of Russian people]. In: M.O.Men'shikov. Vechnoe voskresenie. Sbornik statey o Tserkvi i vere. Moscow, 2003, p. 19, 31.
14. Zhitiya svyatykh, na russkom yazyke izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney sv. Di-mitriya Rostovskogo. Kn. 1 [Hagiography in Russian elucidated according to the Monthly Reading by Saint Dimitry the Bishop of Rostov]. Moscow, 1903, p. 393.
15. Pchelov E.V. Ryurikovichi. Istoriya dinastii [Ruric's descendants. The history of the dynasty]. Moscow, 2004, p. 394.
16. Belousova E.V. "Zhitiya svyatykh" v prochtenii L.N. Tolstogo [Tolstoy's interpretation of "Hagiography"]. Yasnopoljanskiy sbornik-2000. Tula, 2000, p. 15.
17. Tarasov A.B. Kakuyu pravdu propovedoval Tolstoy [Which truth was preached by L.N. Tolstoy]? Literatura v shkole, 2003, no. 3, p. 12.
18. Dostoevskiy F.M. Compl. coll. of works in 30 vols. Leningrad, 1972-1990. Vol. 17, pp. 142-143.
19. Volkonskaya (Tolstaya) M.N. Russkaya Pamela, ili Net pravila bez iskljucheniya. Po-vest' v 2-kh chastyakh (bez okonchaniya) [Russian Pamela, or There are no rules without exception. A novel in two parts (unfinished)]. Yasnaya Polyana-Tula, 2009, p. 7.